

Е. В. Рахилина

О переносных значениях прилагательных размера (ГЛУБОКИЙ УМ — ВЫСОКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ)

Описываются механизмы метонимических и метафорических сдвигов значения прилагательных размера в русском языке — на примере слов **ВЫСОКИЙ** и **ГЛУБОКИЙ**. Показано, что полученные в результате метонимического или метафорического переноса значения мотивированы и типы их интерпретации предсказуемы.

ВВЕДЕНИЕ

Употребления прилагательных размера с предметными именами принято относить к непрямым, или переносным. Действительно, в своем прямом значении эти прилагательные соотносятся с линейными параметрами физического объекта совершенно определенной формы и ориентации в пространстве, ср. *длинный стол, высокий человек, широкое окно* и под. Между тем непредметные имена, как, например, *занятость, чувство, интерес, аппетит* и им подобные, с физическим пространством прямо никак не связаны — так что, вообще говоря, непонятно, чем объясняется сама возможность сочетаний типа *высокая занятость, глубокие чувства, широкие интересы* и др. Существенно, что так же, как и зона сочетаемости с предметной лексикой (см. подробнее [1]), зона сочетаемости с абстрактными существительными подчиняется определенным правилам — иначе почему мы говорим *глубокий ум, но высокий интеллект* (ср. здесь неприемлемость в том же значении **высокий ум, а также *глубокий интеллект*). Описанию этих правил на материале наиболее частотных в переносных употреблениях прилагательных — а именно, *глубокий* и *высокий* (ср. здесь значительно менее употребительные переносно *длинный, толстый, широкий*) — и посвящена данная работа.

I

Сначала несколько слов о том, как употребляются *высокий* и *глубокий* в обычных случаях — с предметными именами. *Высокий* встречается в двух типах контекстов:

во-первых, оно "измеряет" вертикально вытянутые предметы жесткой конфигурации (типа *столб, дерево, фонарь, человек*...),

во-вторых, определяет расстояние до поднятых над поверхностью "опор" (таких, как *скамейка, ветка, полка, балкон* и под.).

Такого типа "пространственная" полисемия, к слову сказать, достаточно распространена, ср.: *дальняя дорога — дальняя деревня, далекое расстояние — далекие огни*, ср. также с предлогом *через*: *идти через лес — находиться через дорогу от дома*¹. Она релевантна и для *глубокий*, ср. семантическое соотношение между первым и вторым типом его употреблений:

1) *глубокий* измеряет в емкостях постоянной формы (контейнерах — ср. *таз, озеро, шкаф,*

ящик...) расстояние от "входа" до "дна", а также 2) расстояние до объектов, постоянно находящихся на глубине (ср.: *глубокие корни, глубокое место, глубокое дно*...).

Кроме того, в качестве подкласса контекстов первого типа — или в качестве отдельного, третьего типа употреблений, — можно рассматривать сочетания *глубокий* с некоторыми именами веществ, ср.: *глубокий снег, вода, грязь, песок*... в значении толщины слоя вещества на поверхности земли.

Именно перечисленные употребления *высокий* и *глубокий* являются "базовыми" для переносных.

В лингвистике принято считать, что имеется два типа переносных употреблений — метонимические и метафорические (вся остальная, даже и регулярная, многозначность, пока никакому учету не поддается), и различаются они самим механизмом сдвига исходного значения. Природа этих механизмов в сопоставлении на материале предикатных лексем предельно ясно описана, в частности, в недавней работе [3], которой мы полностью следуем.

II

Во-первых, о метонимии.

Метонимические сдвиги значения касаются синтаксической структуры лексемы — а именно, изменений в наборе и порядке следования синтаксических аргументов. Дело в том, что содержательная сторона метонимии — в смене исходной расстановки акцентов на участниках данной ситуации. Ввиду этого в привычном для предиката наборе синтаксических актанта при метонимическом переносе может происходить рокировка (ср.: *Он выпил воду из стакана — Он выпил стакан воды*) и даже редукция (ср.: *Вася режет глеб ножом — Нож <хорошо> режет; Она покрыла стол новой скатертью — Снег покрыл поля* и др.). Во всех таких случаях происходит смещение сферы действия предиката.

Выясняется, что то же возможно и с прилагательными — в том числе, размера.

Возьмем в качестве примера сочетание *глубокое бурение*. Отпредикатное имя *бурение* по крайней мере трехвалентно (ср.: *Нефтяники бурили новые скважины в дне океана ⇒ Бурение ими новой скважины в дне океана не получило финансовой поддержки со стороны замдиректора*). Семантически *глубокий* относится ко второму аргументу — *глубокой* при глубоком бурении в конеч-

¹ В [2] предпринимается попытка смоделировать ее когнитивную природу.

ном счете окажется *скважина* (и это вполне “законно” с точки зрения первичной семантики *глубокий*, так как *скважина* является контейнером). Между тем синтаксическая сфера действия *глубокий* в сочетании *глубокое бурение* сдвинута: *глубокий* определяет не результат бурения, а само отглагольное имя — это и есть метонимический перенос. То же происходит и в сочетаниях *глубокий поклон* или (типографское) *глубокая печать*: вместо того, чтобы описывать тот объект, который в каждом случае является результатом некоторого движения (при поклоне это, наверное, изгиб тела, а при печати — буквы на бумаге), как это происходит, например, в сочетаниях типа *глубокий след* или *глубокий вырез*, *глубокий* здесь переносит свою синтаксическую сферу действия на сам вершинный предикат.

Однако исходным при метонимическом переносе прилагательного *глубокий* может быть не только глубина контейнера, но и дистантное расположение объекта, ср. *глубокое дыхание*. Дыхание называют *глубоким*, когда вдох (но не выдох, ср.: *глубокий вдох*, но **глубокий выдох*) образуется “на глубине” — в самых нижних (= глубоких) отделах грудной клетки. Аналогично интерпретируются сочетания *глубокий кашель* и *глубокий голос*.

Ср. также “объектную” метонимию с тем же дистантным значением *глубокий* в качестве исходного, представленную в сочетаниях типа *глубокое погружение*, *спуск*, *ныряние* и под.: объект погружается или его погружают — в любом случае он перемещается из некоторой начальной точки в конечную, и эта конечная точка (не начальная, так как интерпретация типа: ‘погружение с большой глубины’ в этих случаях невозможна, ср. ниже запрет на сочетания типа **высокий спуск*) находится на большом расстоянии от поверхности.

Все это были примеры “чистой” метонимии; в остальных случаях для *глубокий* метонимический перенос выступает одновременно с метафорическим, ср., например, сочетания *глубокая старость/глубокая древность* — такие случаи мы подробнее рассмотрим ниже.

Между тем *высокий*, как оказывается, практически не имеет чисто метонимических употреблений. Действительно, по аналогии с *глубокий*, следовало бы ожидать, что метонимически *высокий* будет сочетаться с отпредикатным именем, обозначающим движение на большой высоте или движение, для которого большая высота служит начальной или конечной точкой. Оказывается, что во-первых, к движению вниз (т. е. с большой высоты) *высокий* совершенно не применимо, ср. **высокий спуск*, *паденье*, *приземление*. . . Тем самым, опять, как и в случае с *глубокий*, начальная точка оказывается нерелевантной: корреляция устанавливается только между движением и его конечной точкой (ср. также сноску 1). Однако что касается движения на большой высоте или подъема на высоту, то, хотя такие сочетания и существуют, ср.: *высокий полет/высокий взлет*, в современном русском языке они понимаются только метафорически, когда речь не идет о действительном движении в физическом пространстве, ср.: **Высокий полет/высокий взлет самолета*² (при этом допустимо: *птица вы-*

сокого полета или: *неожиданно высокий взлет его таланта*. . .). Таким образом, пожалуй, единственным бесспорным случаем чистой метонимии для *высокий* остается сочетание *высокий прыжок* = ‘прыжок на большую высоту’³.

III

Теперь о метафоре.

Метафора — это такое изменение значения, при котором, в отличие от метонимии, набор синтаксических аргументов предиката не меняется, а меняются семантические ограничения на один или несколько аргументов. Тем самым, как сказано в [3], при метафоре происходит категориальный сдвиг значения: стандартные для данного предиката категории аргументов (например, такие как ‘лед, мороженое. . .’ — для *таять*, ‘живые существа’ — для *спать* или *бежать* и под.) замещаются новыми для него, “неподходящими” (ср.: *деньги*, *сторонники* или *толпа тает*; *природа спит*; *река бежит*, *время бежит* и др. [3: 490]).

Именно такого рода сдвиги представлены в сочетаниях с *глубокий* и *высокий* типа: *глубокое раскаяние*, *высокая скорость*, *глубокая зима*, *высокое звание* и под. Они “нарушают” те топологические ограничения на тип имени в сфере действия прилагательных, о которых мы говорили выше: в буквальном смысле ни одно из этих имен не является ни контейнером, ни слоем, ни вертикальным или дистантно расположенным на большой высоте или глубине объектом. Между тем все исследователи метафоры сходятся в том, что и этот тип переноса значения не является произвольным. В частности, в работах Лакова и Тернера (см. [4]; ср. также подробный обзор в [5]), была сформулирована так называемая “инвариантная гипотеза” о том, что метафорический образ устойчив и проявляется не в отдельно взятом контексте, а во многих, в идеале — во всех. Это объясняется тем, что языковая метафора отражает более общие — культурные, а иногда и еще более общие — свойственные в целом человеческому сознанию (иначе говоря, когнитивные) параллели.

К последним относится открытая Дж. Лаковым (см. [6]) корреляция “больше” <—> “выше”: простое увеличение числа объектов в данном месте ассоциируется у человека с видимым ростом (= увеличением высоты) их совокупного объема — т. е. того, что по-русски мы бы назвали грудой или кучей. Отсюда и употребление слов, связанных с высотой, в значении большого количества, причем в разных языках, ср. для русского: *высокая скорость*, *темп*, *производительность*; *высокоомасленные*, *высокоурожайные культуры*; *высокосортный*, *высокомолекулярный*, *высокопробный*; *высота давления* и мн. др.

Если искать такого же рода “инвариантный” коррелят для *глубокий*, то здесь наиболее естественной кажется идея полноты и исчерпанности: чем глубже объект, тем он больше, полнее и, следовательно, лучше. С другой стороны, чем глубже человек в него проникает, тем полнее, т. е. в большей

²Если судить по цитате из И. А. Крылова, которую приводит МАС, такие употребления были возможны по крайней мере в XIX в.: “Бумажный Змей, приметя свысока В долине мотылька, — Поверишь ли! — кричит, — чуть-чуть тебя мне видно; Признайся, что тебе завидно Смотреть на мой высокий столь полет”. (“Бумажный Змей”).

³Ср. еще термин фигурного катания *высокая поддержка* = ‘поддержка <партнерши> на большой высоте’.

мере (и, значит, опять-таки лучше) он его охватывает, использует, ср. *глубоко уважать, глубоко понимать, глубокие раздумья* и под.⁴

Инвариантная гипотеза хороша тем, что она утверждает мотивированность метафоры в целом и предлагает единую стратегию интерпретации различных метафорических значений. Однако конкретные примеры метафор требуют более детальных объяснений. Например, возникает вопрос, почему *мысль, оценка* или *голос* могут быть и *высокими*, и *глубокими*, *честь* — только *высокой* (**глубокая честь*), *терпение* — только *глубоким* (**высокое терпение*), а, например, *ожидание* или *веселье* — ни таким, ни таким (**высокое/глубокое ожидание, веселье*). В статье "О вещных коннотациях абстрактных существительных" В. А. Успенский предлагал считать, что абстрактным сущностям в языке приписывается конкретное, вещное значение. Например, *авторитет* носителю русского языка представляется в виде полого шара, подвешенного над землей, *страх* — "в виде враждебного существа, подобного гигантскому членистоногому или спруту, снабженному жалом с парализующим веществом" и под. [7, с. 150] (ср. также [8]). В сущности, это тоже можно было бы считать выражением инвариантной гипотезы, если бы по отношению к каждой данной абстрактной сущности подтвердилось, что ей в языке всегда присущ некоторый единый физический образ, причем когнитивно мотивированный, а не множество образов, сосуществующих и реализующихся попеременно в разных контекстах в зависимости от ситуации. Впрочем, здесь требуются доказательства и возможно более широкий материал для систематизации. С этой точки зрения можно рассматривать и ниже следующий анализ типов метафорических употреблений *высокий* и *глубокий*⁵.

Высокий

1. Количественная метафора

Исходными для количественной метафоры (ср. *высокая оценка, скорость, темп, цена, процент, результат, степень, уровень, число, количество, цифры, показатели...*) принято считать те употребления *высокий*, в которых оно измеряет протяженность объекта снизу вверх (*высокая башня, дерево*) — см. выше. Между тем, в этом случае метафорическое *высокий* должно быть применимо к любому признаку, содержащему количественный параметр. Это, однако, не так: нельзя, например, сказать **высокий возраст* (в значении 'большой возраст') или **высокое время* (в значении 'много времени'). Поэтому вернее кажется исходным считать дистантное значение *высокий*: 'тот, который находится на большом расстоянии от земли', ср. *высокий этаж*. Дело в том, что большинство признаков, имеющих количественную составляющую, могут быть представлены как бесконечно возрастающие шкалы — шкала скорости, температуры, давления, напряжения... (Простейшую шкалу представляет собой числовой ряд). В таком случае *высокий* определяет данное значение параме-

тра как значительно большее (т. е. удаленное от) нормы. Например, *высокая преступность* — 'большое число преступлений по сравнению с нормой', *высокая заболеваемость* — 'большое число заболеваний <скажем, на душу населения>' — то же для *высокие достижения, энергия, зарплата, крепость напитков* и др. под.

Хорошо шкалируются способности: *аппетит, интеллект, устойчивость, воспламеняемость, маркость, кредитоспособность* и под. Особую шкалу составляют звуки, ср. *высокий звук, голос, пение* и др. Не шкалируется интенсивность процессов (нельзя сказать: **высокое кипение, течение, ожидание...*), чувств (ср.: **высокий страх, злость, зависть...*) и поведенческих реакций (ср.: **высокая застенчивость, назойливость, тщетность, скупость* и под.). Заведомым препятствием к тому, чтобы признак шкалировался, служит его предельность (как у возраста) и цикличность (как у времени).

Еще одним обстоятельством, поддерживающим релевантность для *высокий* количественной шкалы, служит применимость его к другой, "качественной" шкале — а именно, к иерархии чинов и званий, ср. *высокая должность, высокое начальство, высокий чин* и др.

В обоих этих случаях к метафорическому переносу может быть "добавлена" метонимия, ср., например, *высокая посещаемость*. Имя *посещаемость* (так же, как и глагол *посещать*) по крайней мере двухвалентно: 'кто' *посещает* 'что'. Синтаксически относясь к отпредикатному имени, *высокий* может семантически характеризовать как первый, так и второй его аргумент, ср.: *высокая посещаемость лекций этого профессора* = 'лекции этого профессора посещают много студентов' или: *столь высокая посещаемость его студентов* = 'посещаемость его студентами большого числа лекций' и даже (сирконстант?): *высокая посещаемость сотрудниками его отдела своих рабочих мест* = 'сотрудники его отдела много (т. е. часто) посещают свои рабочие места'. Ср. также: *высокая сохранность кадров/книг/имущества* = 'сохранено большое число объектов'; *высокая отдача* = 'много вложено, но еще больше получено', *высокая известность* = 'известность большому числу лиц', аналогично для: *высокая видимость, освещенность, организованность, высокий конкурс* и др.

То же для качественной иерархии: *высокие переговоры* = 'переговоры высоких руководителей'; *высокий приказ* = 'от руководителя большого ранга', а также: *высокое свидетельство, происхождение, состав участников* и др.

2. Метафора содержания

Для этого метафорического переноса исходным тоже является дистантное значение *высокий*: поднятое над обыденным, повседневным, т. е. по большей части материальным, *высокое* в этом смысле

⁴Заметим, что и для *высокий*, и для *глубокий* метафорическое значение имеет положительную оценку — и это естественно для прилагательных со значением увеличенного, т. е. положительного размера; наоборот, прилагательные со значением уменьшенного, "отрицательного" по сравнению с нормой размера в метафорических употреблениях получают отрицательную оценку, ср.: *низкий уровень, узкий кругозор, мелкие интриги...*

⁵Ср. также сходные эффекты, отмеченные для переносных значений польских прилагательных размера в [8].

значит 'духовное', ср.: также *возвышенное*. Центральная зона применения такой метафоры — содержание чувств, мыслей, речи, поступков, событий, поэтому характерные сочетания типа: *высокая печаль, беседа, искусство, литература, принципы, тайны, долг* есть уже результат не только метафорического, но и одновременно метонимического переноса: *высок* на самом деле предмет печали, тема беседы, содержание принципов, литературы и проч. — т. е. то, о чем это.

Глубокий

1. Метафора содержимого контейнера

Пожалуй, наиболее характерным контекстом для метафорического *глубокий* служат имена с валентностью, которую можно было бы назвать валентностью содержимого ([10] предлагался термин *валентность состава*), ср.: *суждение, проблема, вопрос, интерес*, а также: *ошибка, заблуждение, изменение* и мн. др. — 'состоящий в том, что...'. Эту валентность следует отличать от того, что обычно называют валентностью содержания (см. [11, с. 12]), которая вводит предмет суждения, вопроса и под. (эта валентность, как было только что сказано, может характеризоваться прилагательным *высокий*). Между тем, обычно наличие валентности содержания предполагает и валентность содержимого, так что данная группа легко выделяется.

Содержимое представляется как находящееся в "емкости": *суждение, проблема* или даже *произведение* — это такие сосуды, в которых, если они *глубокие*, "налито" нечто такое, что нельзя быстро понять, пользуясь только поверхностным знакомством с ним — но что надо "вычерпать" до дна. Такими же "сосудами", "содержащими" сложные (= *глубокие*) чувства, переживания etc. являются *глубокая натура, глубокий человек, глубокая личность* и под., а *глубокий поэт/художник/мыслитель* и др. — следуя стандартному метонимическому переносу — являются авторами глубоких произведений.

Еще более сложной оказывается семантическая структура сочетаний типа *глубокое изучение* или *исследование вопроса/анализ ситуации/знание предмета* и под., где данный метафорический перенос осложнен не только метонимическим переносом, но и еще одной метафорой: во-первых, имя понимается как емкость, во-вторых, предикат осмысливается как погружение в эту емкость — и тогда все сочетание интерпретируется по метонимической модели *глубокое погружение* (см. выше) — т. е. как движение, в результате которого движущийся объект начинает находиться на значительном расстоянии от поверхности, или, метафорически, "в глубине", т. е. в сути вопроса, проблемы и др.

Та же метафора контейнера лежит в основе семантической интерпретации и для сочетания *глубокий ум*. В русском языке имя *ум* имеет "активную" семантику и уподобляется органу человека, являющемуся инструментом интеллектуального исследования, ср. *понимать умом, острый ум* и др. (подробнее см. [12]). Поэтому *глубокий ум* метонимически интерпретируется как 'инструмент для глубокого проникновения в содержание дела'. Интересно, что соответствующее такому инструмен-

ту "вещное" значение будет сочетаться не с *глубокий*, а, скорее, с *длинный*, ср.: *длинное сверло*, но не: **глубокое сверло*, так как для физического объекта в антропоцентричной картине мира наиболее релевантна его видимая функциональная поверхность (об антропоцентричности размеров см. [1]). Между тем *ум* в русской картине мира — это и есть такое воображаемое *сверло* или *бур*, только уже без конкретных внешних параметров.

Теперь мы можем объяснить разницу в употреблении близких по смыслу слов *ум* и *интеллект* — а именно, допустимость *глубокий ум*, но не: **глубокий интеллект*, и наоборот, *высокий интеллект*, но не (в том же значении 'интенсивность мысли'): **высокий ум*. Если *ум* в русской картине мира — это орган мысли, и поэтому он не может шкалироваться (а это, как мы видели, главное условие для количественной метафоры *высокий*), то *интеллект* в русской языковой картине мира — это не орган, а способность к мысли, ср. [12]: "Слово *интеллект* обозначает способность человека познавать; представление об органе лишь слабо просвечивает в данном слове". Способности же как раз очень хорошо шкалируются — отсюда допустимость сочетания *высокий интеллект*.

Обратим внимание, что "метафорическая история" сочетания *высокий ум* в таких контекстах, как *Высокие умы решают судьбы мира* совершенно иная и опять-таки невозможна для слова *интеллект*. Здесь *ум* метонимически понимается как 'носитель ума' ('тот, кто думает') и имеет предмет ('о чем думает'), к которому применена метафора содержания: *высокие умы* = 'которые думают о возвышенном'.

Замечание. Не вполне ясна ситуация со словом *мысль* — с одной стороны, всякая мысль имеет содержание (*мысль о чем-л.*), так что есть все основания интерпретировать сочетание *глубокая мысль* как обозначающее контейнер, а с другой стороны, *мысль* достаточно активна сама по себе (ср. *быстрые мысли, острые мысли, мысли скачут* и под.) — и в этом смысле похожа уже не на "пассивный" контейнер, а на "активный" инструмент. Тогда сочетание *глубокая мысль* следует интерпретировать по аналогии с *глубокий ум*.

2. Метафора препятствия

Интересный случай представляют имена типа *расхождение, противоречие, непонимание, недоверие* и др. — с контрагентом, который выражается одновременно с субъектом, в частности, конструкцией с предлогом *между*: *расхождение/противоречие... между этими людьми* или: *между ним и его отцом*. Одновременно такой способ оформления актанта структуры свойствен конкретным именам со значением границы — в первую очередь, *между* участками земли, ср.: *граница, межа, ограда, колючая проволока... между полями, огородами, участками*. Между тем самой простой границей является естественное или искусственное углубление в земной поверхности, ср. *овраг/лощина/яма/ров/пропасть* (и др.) *между полем и лугом*. Такие границы имеют измеряемую глубину, и чем больше эта глубина, тем более ощутимой преградой данная граница является. Естественно, что имена со значением виртуальной преграды в отношениях между людьми в качестве "вещного коррелята" получают сходные по

своей синтаксической структуре углубления в земной поверхности, которые чем глубже, тем труднее преодолеть.

Как видим, базовым значением для этой метафоры по-прежнему служит контейнер, но уже другой, ср.: *глубокое понимание* = проникновение в суть дела; *глубокое непонимание* = непреодолимое препятствие для понимания. Действительно, препятствием для *понимания* является глубина, но *понимание* само есть погружение — очевидно, что соответствующие пространственные картинки (вещные коннотации), хотя и одноименны, но друг с другом никак не соотносятся.

3. Метафора дистантного расположения

Особый тип метафоры представляют в контексте *глубокий* имена чувств, ср.: *глубокое презрение/отчаяние/тоска/отвращение/нежность/интерес/любовь* и мн. др. Чувства могут быть как положительные, так и отрицательные — важно, чтобы они не имели специальных внешних проявлений, т. е. не переходили из чувств в поведение, ср. запрет на сочетания типа: **глубокая робость* (при том, что возможно: *глубокий страх*) или: **глубокая радость* (при допустимом: *глубокое счастье*)⁶. В наивной картине мира чувства находятся внутри человека, причем главным сосудом для человеческих чувств является душа (подробнее о концепте слова *душа* см. [13, 14, 15]); именно в душе находятся самые сокровенные чувства, которые могут даже не проявляться поверхностно и не осознаваться, ср. вполне парадоксальное: *Я Вас любил: любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем...* Действительно, если сказано *Я любил*, значит, автор считает, что больше не любит. Тем не менее, оказывается, что любовь пусть не горит, но и *не угасла в <его> душе* — значит, в душе (а еще лучше — в *глубине души*, т. е. на дне ее) находится то потаенное, скрытое для самого носителя, неустранимое чувство, которое невозможно подавить. О таких чувствах — расположенных как бы на большой глубине (ср. дистантную интерпретацию предметных имен в контексте *глубокий*) — и говорят *глубокие*. Понятно, что чем *глубже* чувство, тем оно сильнее. Отсюда и то стандартное толкование, которое предлагают для данных контекстов словари, ср. МАС: “Очень сильный, достигший значительной степени (о чувствах)”⁷.

4. Метафора слоя

Этот — последний в нашем перечне — тип метафорического сдвига касается определенных фи-

зических состояний человека или состояний окружающей среды — ср.: *молчание, сон, покой, тишина* и некоторые другие. Подобные состояния уподобляются плотным жидкостям, в которые как бы опускается человек, ср.: *Он плавно погружался в сон; все утонуло в молчании*. В глубине эти “жидкости” становятся совершенно непроницаемы для внешних воздействий, поэтому там такие состояния достигают своей полноты и неизменны, ср.: *глубокое молчание/сон/покой/тишина*. Обратим внимание, что и сами состояния — воплощение статики: так, в том же смысле, что *глубокая тишина* или *покой* нельзя, например, понять сочетания *глубокий смех, глубокое движение, глубокое ожидание, глубокая работа* и др. под.⁸

Следующая ступень развития этого метафорического значения связана с довольно распространенным метонимическим переносом “ситуация — период времени, соответствующий данной ситуации” и приводит к употреблению в контексте *глубокий* слов *зима, осень, ночь, старость, древность*. Они соответствуют наиболее неподвижным, застывшим, “мертвым” “слоям” времени, которые (так же, как *тишина* или *покой*) способны “в глубине” достигать еще более высокой концентрации своих свойств, ср. здесь невозможность в контексте *глубокий* названий “живых”, изменчивых, “мобильных” периодов времени, связанных с движением и ростом: **глубокий день, *глубокая весна, *глубокая молодость, *глубокая современность* и под.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рахилина Е. В. Семантика размера // Семиотика и информатика. — 1995. — Вып. 34.
2. Brugman C., Lakoff G., Cognitive topology and lexical networks / Eds. Cottrell G. W. et al. // Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence. — San Mateo (CA): Morgan Kaufman, 1988. — P. 477-508.
3. Падучева Е. В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме глагола *назначить*. Типология и теория языка: от описания к объяснению // Сб. к 60-летию А. Е. Кибрика. — М.: ЯРК, 1999.
4. Lakoff G., Turner M. More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. Chicago: Univ. of Chicago, 1989.
5. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи и результаты // Семиотика и информатика. — 1998. — Вып. 36.
6. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: Univ. of Chicago, 1980.

⁶ А поскольку мы знаем, что поведенческие реакции не шкалируются, то получается, что к ним не применимо ни метафорическое *высокий*, ни *глубокий*.

⁷ Как не раз отмечалось, значение ‘интенсивности’, которое в таких случаях предлагается в качестве толкования, не обладает никакой объяснительной силой: нельзя понять, ни почему в данном случае именно *глубокий* выбрано в качестве интенсификатора из многих возможных (ср.: *высокий, сильный, значительный, яркий* и мн. др., ни почему сочетание с *глубокий* в этом контексте получает именно значение интенсивности, а не какое-то другое. Семантический подход к метафоре, которому мы здесь следуем, — ввиду того, что он не предполагает никаких “случайностей” и требует определенности в объяснении всех произошедших в семантике переносного употребления сдвигов — как раз и предполагает решение обеих этих задач.

⁸ Возможно, что чувства — по крайней мере некоторые их разновидности — тоже способны отождествляться с тяжелыми жидкостями, ср.: *погрузился в свои переживания* (впрочем, замена *переживания* на *чувства* в этом контексте оказывается уже невозможна. Ср. также: *погрузился в тоску/уныние*, но: **погрузился в нежность/любовь*). В связи с этим интересно, что В. А. Успенский предлагает считать “тяжелую жидкость” вещным коррелятом и для слова *горе*, в том числе опираясь на такие “окаменевающие” контексты, как *гаснуть горя, испить горя* [7]. Нам представляется, что интерпретация сочетания *глубокое горе, как и положено чувствам*, вполне укладывается в метафорическую модель дистантного расположения — как *глубокое чувство, глубокое счастье* и др. под., см. выше. Другое дело, что параллельно в языке может существовать и модель “*горе/тоска/уныние/переживания как жидкость*”, но такая ситуация определенно ставит под удар идею инвариантной гипотезы.